

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ КАРАБЧЕВСКИЙ

Николай Платонович Карабчевский родился 29 ноября 1851 года в военном поселении под городом Николаевом Херсонской губернии. Отец его, Платон Михайлович, в это время командовал уланским его высочества герцога Нассауского полком. По отцовской линии род Карабчевского турецкого происхождения. Еще во времена Екатерины II, при взятии Очакова, был пленен мальчик-турчонок,

родители которого погибли. Какой-то генерал царской армии отвез мальчика в Петербург и определил в военный корпус. Фамилию ему дали произвольно, от слова «кара», что значит «черный». С тех пор все предки Карабчевского, как правило, служили в армии, чаще всего в кавалерии.

ОБРАЗОВАНИЕ

Образованием Николая Карабчевского занимались сначала дома. К детям были приглашены лучшие учителя, а для Николая даже выписали из Марселя француженку, поэтому французским языком он владел великолепно. Несколько хуже знал английский. В двенадцатилетнем возрасте мальчик поступил в только что открытую в Николаеве гимназию особого типа: она была реальная, но с латинским языком. Окончил ее Николай Платонович с серебряной медалью. В 1869 году он поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета. Учеба увлекала одаренного юношу, но естественные науки несколько ограничивали его пылкую натуру, и тогда он заинтересовался юриспруденцией, стал посещать лекции известных профессоров – Н. С. Таганцева, П. Г. Редкина и других. Не чуждался и общественной жизни, активно участвовал в «студенческих беспорядках», за что университетским судом был даже приговорен к трехнедельному аресту.

В 1870 году Карабчевский окончательно расстался с естественным факультетом университета и перевелся на юридический, который блестяще окончил спустя четыре года. В эти годы у Николая Платоновича была заветная мечта – стать писателем, точнее, драматургом, очень уж неудержимо его влекло к театру. С юных лет он выступал на любительской сцене, где ему приходилось играть даже главные роли. Он сыграл Чацкого в комедии Грибоедова «Горе от ума», Гамлета в одноименной трагедии Шекспира. Его перу принадлежит драма «Жертва брака», но она вышла довольно слабой, и попытка напечатать ее на страницах «Отечественных записок» потерпела неудачу.

ПОПУЛЯРНОСТЬ

В дореволюционной России Карабчевский пользовался большой популярностью. В своих речах он умел дать обстоятельный анализ улик, тщательно разобраться и дать правильную оценку свидетельским показаниям.

В ряде своих выступлений он вскрывал социально-политическую подоплеку того или иного дела. Судебные выступления Карабчевского убедительные, уверенные и горячие. Карабчевский всегда детально изучал материалы предварительного следствия, был активен на судебном следствии, хорошо использовал в целях защиты добытые доказательства. Умел показать суду ошибки и промахи противника. В процессе всегда был находчив. Его речи легко воспринимаются, доходчивы, отличаются большой убедительностью.

Карабчевский никогда не принадлежал к "пишущим" ораторам, каковыми были, например, Спасович или Андреевский. Подобно Плевако, Александрову, Кони. Он не писал заранее тексты своих речей - "Судебное следствие иногда переворачивает все вверх дном, -- объяснял он это Льву Толстому. -- Да и противно повторять заученное. По крайней мере, мне это не дается".

РАССМАТРИВАЕМОЕ ДЕЛО

Николай Платонович принимал участие в знаменитом процессе «ста девяносто трех». Здесь он оказался в окружении целого созвездия блестящих присяжных поверенных. Среди защитников были П. А. Александров, Г. В. Бардовский, А. Л. Боровиковский, В. Н. Герард, М. Ф. Громницкий, А. Я. Пассовер, П. А. Потехин, В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, доктор права Н. С. Таганцев и другие. И только трое помощников присяжных поверенных удостоились чести быть в этом списке: Н. П. Карабчевский, В. М. Бобрищев-Пушкин и Грацианский.

Николай Платонович защищал одну из главных обвиняемых, Е. К. Брешко-Брешковскую, которую впоследствии стали называть «бабушкой русской революции» (она умерла в Праге на девяносто первом году жизни), а также А. В. Андрееву и В. П. Рогачеву. Хотя первая из них все же была приговорена к пяти годам каторги, речь Карабчевского произвела сильное впечатление. Двое других его подзащитных были оправданы. Спустя сорок лет он вспоминал: «Мы сидели на процессе в течение многих месяцев, побросав другие дела, - и какая проявилась высота понимания своих задач.

Засецкий Максим, группа БО12

Decorative white lines consisting of several parallel diagonal strokes in the bottom right corner of the slide.